

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 17, Is. 3 Pp. 664–679, 2024
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 81.006.3

DOI: 10.22162/2619-0990-2024-73-3-664-679

Отражение единства человека и природы в мифологической картине мира (на материале русских, тувинских и башкирских фольклорных текстов)

Владимир Васильевич Воробьев¹, Флюза Габдуллиновна Фаткулина², Райса Ханифовна Хайруллина³, Дмитрий Сергеевич Скнарев⁴

¹ Российский университет дружбы народов (д. 10, корп. 3, ул. Миклухо-Маклая, 117198 Москва, Российская Федерация)

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой

0000-0002-5906-3773. E-mail: vorobyev-vv[at]rudn.ru, ryss_yur_rudn[at]mail.ru

² Уфимский университет науки и технологий (д. 32, ул. Заки Валиди, 450076 Уфа, Российская Федерация)

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой

0000-0001-8711-2993. E-mail: fluzarus[at]rambler.ru

³ Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (3-а, ул. Октябрьской революции, 450008 Уфа, Российская Федерация)

доктор филологических наук, профессор

0000-0001-7978-2225. E-mail: rajhan[at]mail.ru

⁴ Российский университет дружбы народов (д. 10, корп. 3, ул. Миклухо-Маклая, 117198 Москва, Российская Федерация)

доктор филологических наук, профессор

0000-0002-9404-8421 E-mail: sknarev_ds[at]pfur.ru

© КалмНИЦ РАН, 2024

© Воробьев В. В., Фаткулина Ф. Г., Хайруллина Р. Х., Скнарев Д. С., 2024

Аннотация. Введение. Статья посвящена исследованию истоков культуры народа как системы его миропонимания. Впервые рассматриваются донаучные (профаные) знания и представления человека о мире и своем бытии в нем, сосуществование с силами природы, животным и растительным миром и поклонение персонифицированным духам, которые нашли отражение в народном творчестве. Целью данной работы является лингвокультурологическая интерпретация процесса вербализации языческих представлений о мире как особой лингвокультурной модели мира (в частности, тематического блока модели «Человек и природа»), нашедшей выражение в народном творчестве (фольклорном тексте), национально-маркированных единицах и в паремиологическом фонде русского, тувинского и башкирского языков. Материалом исследования выступают русские, тувинские и башкирские народные сказки, легенды и пословицы, отражающие антропоцентрическое восприятие окружающей действительности. Ведущим методом исследования является лингвокультурологический метод (метод лингвокультурологического поля, по В. В. Воробьеву), позволяющий выявить в текстах обусловленные системой древнего миропонимания русского, башкирского и тувинского народов культурные смыслы и

вербализованные символы восприятия и оценки человеком мира природы как реализацию в анализируемых текстах антропологического культурного кода, что нашло закрепление, кроме сказочных текстов, и в пословичном фонде исследуемых языков. Также использованы лексико-семантический и описательный методы, метод сравнительно-сопоставительного анализа, метод диахронического анализа. *Результаты и выводы.* В результате лингвокультурологического анализа выявлено, что язычество восточных славян получило отражение в миропонимании русского народа: натуралистическое отношение к природе обусловило наделение объектов материального мира чертами человека, что до сих пор наблюдается в обыденной русской языковой картине мира. В башкирской мифологии описание одушевления природы находит также отражение в легендах, обрядах, пословичном фонде башкирского языка. В мифологических представлениях тувинцев выражен принцип единства социума и природы, а также шаманизм как форма языческих верований. Анализ материала показал, что фрагменты мифологической картины мира, связанные с архаичным народным мышлением в целом, и вся совокупность лексического и паремиологического состава исследуемых языков, представляют собой транслятор архаических ментальных установок и культурных кодов. *Результаты исследования* описывают лингвокультурный механизм вербализации мифологической картины мира посредством русского и тюркских (башкирского, тувинского) языков и выявляют универсальное и этническое в миропонимании этих народов.

Ключевые слова: мифологическая картина мира, язычество, лингвокультура, фольклор, лингвокультурологическое поле, пословица, русский язык, башкирский язык, тувинский язык
Благодарность. Публикация выполнена в рамках проекта Российского университета дружбы народов № 202802-2-000 Системы грантовой поддержки научных проектов.

Для цитирования: Воробьев В. В., Фаткуллина Ф. Г., Хайруллина Р. Х., Скарнев Д. С. Отражение единства человека и природы в мифологической картине мира (на материале русских, тувинских и башкирских фольклорных текстов) // *Oriental Studies*. 2024. Т. 17. № 3. С. 664–679. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-73-3-664-679

The Unity of Man and Nature in Mythological Worldviews: Analyzing Russian, Tuvan and Bashkir Folklore Texts

Vladimir V. Vorobiev¹, Fluza G. Fatkullina², Raisa H. Khairullina³, Dmitry S. Sknarev⁴

¹ Peoples' Friendship University of Russia (10/3, Mikloukho-Maklaya St., 117198 Moscow, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Professor, Head of Department

 0000-0002-5906-3773. E-mail: vorobyev-vv[at]rudn.ru; ryss_yur_rudn[at]mail.ru

² Ufa University of Science and Technology (32, Zaki Validi St., 450076 Ufa, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Professor, Head of Department

 0000-0001-8711-2993. E-mail: fluzarus[at]rambler.ru

³ Akmulla Bashkir State Pedagogical University (3-A, October Revolution St., 450008 Ufa, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Professor

 0000-0001-7978-2225. E-mail: rajhan[at]mail.ru

⁴ Peoples' Friendship University of Russia (10/3, Mikloukho-Maklaya St., 117198 Moscow, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Professor

 0000-0002-9404-8421. E-mail: sknarev_ds[at]pfur.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Vorobiev V. V., Fatkullina F. G., Khairullina R. Kh., Sknarev D. S., 2024

Abstract. Introduction. The article examines origins of ethnic culture as a worldview system. It makes the first attempt to review pre-scientific (profane) knowledge and ideas of man about the world and existence, coexistence with natural forces, animals and plants, worships of personified spirits represented in folk art and lore. *Goals.* The work outlines a linguocultural interpretation of how pagan ideas about the world as a special linguocultural model would be verbalized (in particular, a thematic

block of the 'man-and-nature' model), the latter be expressed in folk narratives, ethnic markers and paremias of the Russian, Tuvan and Bashkir languages. *Materials and methods.* The study focuses on Russian, Tuvan and Bashkir folktales, legends and proverbs that reflect anthropocentric perceptions of the surrounding reality. The linguoculturological method (or linguoculturological fields one of acc. to V. Vorobiev) proves most instrumental in identifying certain cultural meanings and verbalized symbols of human understanding of the natural world determined by the system of ancient worldviews of Russian, Bashkir and Tuvan peoples — as manifested anthropological cultural codes in the analyzed texts, including paremias. The lexical-semantic and descriptive methods, those of comparative and diachronic analyses have been employed too. *Results.* Our linguocultural analysis reveals the paganism of Eastern Slavs as a set of mythological ideas from the pre-Christian era did find its reflections in the worldview of the Russian people: a naturalistic attitude towards nature entailed the endowment of objects of the material world with human traits. Traces of such understandings of the interaction between nature and man are still preserved in the everyday Russian linguistic picture of the world. In Bashkir mythology, animated descriptions of nature are traced in legends, rites, proverbs. Mythological ideas of Tuvans express the principle of unity between society and nature, while shamanism acts as a form of pagan beliefs proper. The paper resumes that elements of mythological worldviews related to archaic thinking at large and the whole lexical and paremiological corpora of the investigated languages still articulate archaic attitudes and cultural codes. The study describes a linguocultural mechanism of how mythological essentials are verbalized in Russian and Turkic (Bashkir, Tuvan) languages to reveal somewhat universal and ethnic features in worldviews of corresponding peoples. **Acknowledgements.** This publication has been supported by the RUDN University Scientific Projects Grant System, project no. 202802-2-000.

Keywords: mythological worldview, paganism, linguistic culture, folklore, linguistic and cultural field, proverb, Russian, Bashkir, Tuvan

For citation: Vorobiev V. V., Fatkullina F. G., Khairullina R. Kh., Sknarev D. S. The Unity of Man and Nature in Mythological Worldviews: Analyzing Russian, Tuvan and Bashkir Folklore Texts. *Oriental Studies*. 2024; 17 (3): 664–679. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-73-3-664-679

1. Введение

Исследование современной языковой картины мира народа невозможно без изучения его древних представлений о мире и взаимодействии человека с природой, поскольку мифологические первообразы, как правило, получают развитие в языковом сознании народа и получают закрепление в его актуальной лингвокультуре.

Славянские и тюркские предания, легенды, заговоры и обряды активно исследуются в истории, этнографии, культурологии [Кенин-Лопсан 2008; Топоров 1995; Зеленин 1995; Левкиевская 2000; Толстой 2003; Ламажаа и др. 2023; и др.], однако в аспекте лингвокультурологии изучение мифологической картины мира на материале фольклорных текстов с точки зрения отражения в них взаимодействия человека и окружающей природы, описания языческих истоков национальной лингвокультуры, особенно в сопоставительном аспекте, дополняет, по нашему мнению, такие исследования новым

материалом. Отметим, что мы придерживаемся точки зрения о том, что истоки фольклора восходят к мифологическому (первобытному) мышлению, а фольклор является доминантой мифологии, сама «мифология ныне осмыслена как надэпохальная универсалия» [Степанова, Алентьева 2006: 224]. Таким образом, мифология предстает как значимая «проекция коллективного бессознательного», которое, по К. Юнгу, составляет «огромное духовное наследие» [Юнг 1994: 126].

«В истории любого общества нет такой эпохи, содержание которой прямо или косвенно не было бы связано с мифологией. С ранних времен, присутствуя в умонастроениях и картинах мира, в индивидуальном и общественном сознании людей, мифология оказывается наиболее устойчивым образованием, пронизывающим все сферы человеческой жизнедеятельности» [Халимулина 2008: 12]. Поэтому процесс адаптации любого народа к окружающей природно-соци-

альной среде отражает этнические константы, определяющие основу мировидения и мироощущения данной лингвокультурной общности.

В типологии картин мира, под которой понимается «образ мира, преломленный в сознании человека, т. е. мировоззрение человека, создавшееся в результате его физического опыта и духовной деятельности» [Тер-Минасова 2007: 22], исходную позицию занимает мифологическая картина мира, которая на протяжении культурно-исторического развития народа обрывает новыми культурными смыслами, дополняется и преобразуется в соответствии с современным мировоззрением народа в общезыковую картину мира. Исследование мифологической картины мира представлено в трудах культурологов, этнографов, литературоведов, психолингвистов. Это труды по общей и славянской мифологии [Леви-Стросс 1978; Топоров 1995; Мелетинский 2000], по башкирской мифологии [Надршина 1983; Уметбаев 1998], по тувинской мифологии [Орус-оол 2001; Куулар 2000; Ламажаа и др. 2023].

В мифологической картине мира, которая реализована и в фольклоре, представлена иная (первобытная) система мышления, которую можно выявить с помощью лингвокультурологической интерпретации, поскольку «мир культуры не отображается, а интерпретируется в языке» [Маслова 2007: 7].

Исследователи мифов обнаруживают в них источник этносоциокультурной информации. В мифах как форме духовного освоения мира понимание позволяет провести аналогию между предметной областью и символической, т. е. с раскрытием знаково-символических характеристик вещей и событий [Воробьев и др. 2023б: 155].

У самых разных народов можно найти схожие сюжеты, связанные с мифами, что объясняется системой типологического человеческого мышления. Мифы лежат в основе архетипа языкового сознания, а общее знание в их индивидуальных интерпретациях задает системное содержание образов, всплывающих в сознании. В мифах отражены образы и разговаривающих зверей, и ле-

тающих героев, и людей с обликом животных, которые на протяжении многих веков из поколения в поколение передаются в произведениях устного народного творчества.

Изучение мифа как лингвокультурной реальности связано с потребностью человека познать и освоить окружающий мир, поскольку миф является элементом культурной системы, основанной только на архаическом сознании.

«Культурные традиции представлены такими элементами, как обычаи, обряды, ценности и т. д., они формируют историческую память народа», — пишет В. А. Маслова [Маслова 2007: 192]. Их исследование дает возможность описать древние воззрения людей на природу и самих себя.

2. Лингвокультурологический анализ фольклорных сказок

Фольклорная сказка — это повествование о вымышленных событиях в жизни народа, акт творческого освоения окружающего мира. Человек сталкивался с явлениями природы, сущность и механизм которых ему был неведом, и осмысливал их на момент актуального мировоззрения. Животный и растительный миры, ландшафт, географические и климатические условия, в которых он жил, — все это получало отражение в мифическом сознании, а затем, спустя века, закреплялось в языковой картине мира. Фольклор представляет богатейший материал для исследования мифологического мировоззрения, поскольку у многих народов, особенно родственных, в фольклоре прослеживаются сходные персонажи и сюжеты.

Так, в сказках о животных (например, в русских сказках «Маша и медведь», «Гуси-лебеди», «Царевна-лягушка», «Репка», «Волк и семеро козлят», «Вершки и корешки» и др.; в башкирских сказках «Карсыга һәм этәс» («Ястреб и петух»), «Рәхмәтле куян» («Благодарный заяц»), «Алтын кауырһын» («Золотое перо»), «Аҡ бүре» («Белый волк»), «Алтын сабаҡ» («Золотая рыбка») и др.; в тувинских сказках «Аштаан бөрү беле сергегигеш» («Голодный волк и жирный козлик»), «Адыш оюу хурунелиг чеди күске» («Семеро мышей, живущих в норке-сладонь»), Чыраа кулун» («Жеребенок-инохо-

дец») и др.) человек общается с животными и птицами на человеческом языке, животные и птицы разговаривают между собой, т. е. происходит их одушевление: они разговаривают, имеют свой дом, ходят друг к другу в гости. В русских сказках старик разговаривает с медведем, царский сын — с лягушкой, медведь, волк, лиса говорят друг с другом; в башкирских сказках охотник разговаривает с медведем, в тувинских — мыши с ханом, лев с наставником Бурганом. Животные, птицы и человек выступают равноправными субъектами социума и коммуникации.

Самобытность вымысла подобных сказок проявляется в том, что животные думают, говорят и ведут себя, как люди. Наблюдая за поведением животных, человек находил у них схожие с человеческими способности и навыки (общение друг с другом, передача сигнала об опасности, сведения о наличии корма, опыт и т. д.).

Сказки о животных — это уникальный вид древнейшего словесного искусства и в русском сказочном репертуаре составляют около 10 % [Пропп 1976: 213]. Любая сказка о животных нацелена на раскрытие человеческого характера, его психологии. Не случайно, все герои сказок о животных четко разделены на положительных и отрицательных, что делает сказки простыми для понимания хорошего и плохого, добра и зла. Образы животных стали средством морального поучения, а позже — социальной сатиры. В сказках о животных осуждаются человеческие пороки: глупость, лень, хитрость, жадность, обман в целях наживы, угнетение слабых.

Главными действующими лицами в русских сказках являются дикие или домашние животные, птицы, рыбы, насекомые, иногда культурные артефакты и растения: лиса, волк, медведь, заяц; собака, кот, коза (козлята), петух; курочка Ряба; зеркальце, гребешок и т. п. [Пропп 1976; НРС 1984].

Основная цель подобных сказок — свести в сюжете любых животных, показать их качества. В небольшом эпизоде обыгрываются основные черты персонажей: хитрость лисицы, глупость волка, простодушие петушка, беззащитность зайца и т. д.

Как уже было отмечено выше, сказкам

изучаемого типа исторически предшествовали рассказы о почитаемых животных, что привело к верному и точному воспроизведению некоторых естественных черт в поведении зверей. Сказочная лиса, как и настоящая, любит полакомиться рыбкой и тетеревом, она живет в норе. Кот, поедая принесенное мясо, рвет его когтями и урчит. В сказке тонко и умело сочетается изображение истинных повадок зверей с передачей аллегорического изображения характера человека. В своих персонажах сказка объединяет звериные и человеческие свойства.

Главное действующее лицо многих русских сказок — это лиса, самое опасное качество которой — хитрость. Такая характеристика лисы нашла отражение в языке и передается с помощью следующих образных единиц: *Хитёр, как лиса, труслив, как заяц; Не бойся той, которая кричит, а бойся той, которая молчит* и т. д. Лису-персонаж мы видим в таких сказках, как «Лиса и волк», «Лиса-повитуха», «Лиса и журавль», «Лисица-исповедница», «Лиса и тетерев» и др. Например, в сказке «Заяушкина избушка» (в сюжете о ледяной и лубяной хате) лиса, попросившись на ночлег, обманом выгоняет зайца из его лубяной хаты.

Она всегда предстает как существо хитрое, жадное, мстительное, лживое и расчетливое. Во всех сказках она выступает как притворщица, воровка. Но порой за это она бывает наказана, несмотря на все свои хитрости. Например, в сказке «Лисичка-сестричка и волк» (в сюжете «за скалочку — гусочку» лиса за якобы пропавшую скалочку требует у хозяев, в доме которых она ночевала, гусочку, за гусочку — индюшечку, потом невесточку): «...Мужик потихоньку выпустил из мешка невесточку, а впишал туда собаку. Вот поутру лисичка-сестричка собралась в дорогу, взяла мешок, идёт и говорит: — Невесточка, пой песни! — а собака как зарычит. Лисичка испугалась, как шваркнет мешок с собакою да бежать!» [НРС 1984: 7].

Эмоциональная оценка этого сказочного персонажа достигается также тем, что лису во многих сказках называют по имени-отчеству: *Лизавета Ивановна*, что создает пародийный оттенок при ее изображении.

Используются также эпитеты и атрибутивы, подчеркивающие присущие ей свойства и характеристики: лиса — *на поле краса, премудрая княгиня, кумушка, лисица — масляная губица, лисичка-сестричка, премудрая, сахарные (уста), ласковые (слова), оборотливая, шустрая* [РКП 2004: 59–61].

Следующий, очень частотный персонаж русских сказок о животных — **волк**, который фигурирует в сказках «Лиса и волк», «Волк в гостях у собаки», «Кот на воеводстве», «Волк и семеро козлят» и др. В сказках он часто изображается глупым, жадным, старым и побитым, всегда попадающим впросак. Например, в сказке «Лиса и волк» хитрая лиса говорит волку, что рыбу можно поймать, если опустить хвост в прорубь: «Долго-долго сидел волк у проруби, целую ночь не сходил с места, хвост его и приморозило; пробовал было приподняться — не тут-то было! «Эка, сколько рыбы привалило — и не вытащишь!» — думает он. Смотрит, а бабы идут за водой и кричат, завидя серого: „Волк, волк! Бейте его! Бейте его!“. Прибежали и начали колотить волка — кто коромыслом, кто ведром, кто чем попало. Волк прыгал, прыгал, оторвал себе хвост и пустился без оглядки бежать» [Лиса и волк].

Волк в русских сказках изображается при помощи следующих эпитетов и атрибутивов: волк — *серый, (большой) дурачина, любезный кум, серый дурак, дурень* [РКП 2004: 64–66].

Отметим, однако, что сказка допускает отклонение от реальных представлений человека о характере того или иного зверя. К примеру, охотники знают, что волк хитрый и опасный зверь, в жизни он вовсе не так глуп, каким обычно изображается в сказке.

Медведь в реальной жизни очень ловкий, сильный и неустрашимый зверь, он один из главных персонажей в русских народных сказках о животных. Это животное у славян издревле считалось хозяином языческого леса, защитником от всякого зла и богом плодородия. В представлениях славян медведь обладал большой мудростью, он был символом успеха, богатства и доброго нрава, в то же время он изображается неуклюжим, грубоватым и бесхитростным. Все эти качества мастерски отображены в сказках

«Вершки и корешки», «Маша и медведь», «Терем мухи», «Три медведя».

Для восточных славян медведь — это божественное существо, царь зверей, покровитель людей [Егорова 2016: 177].

В сказках он также предстает как *самый сильный* зверь в лесу. Но он глуп, потому что располагает силой и властью — качествами, при которых ум ни к чему. К тому же в сказках он неповоротлив и давит все, что попадет ему под ноги. Его неуклюжесть переносится на характер и определяет манеру его поведения. Например, в сказке «Терем мухи» мы встречаем именно такого медведя: «...Все из терема: «А ты кто?» — «Я тыпыш-ляпыш, всем подгнётыш!» — сказал медведь, спустил лапой по терему и разбил его» [НПС 1940: 36–37].

Пожалуй, наибольшее количество наименований в русском фольклоре получил именно медведь, поскольку он является «тотемной фигурой, и в связи с этим имя данного зверя было табуировано» [Сиссе 2020: 165]. Поэтому медведя называли: *лесной гнет, мохнатый, косолапый, сиволапый, старый черт, зверь, косматый, костоправ, куций, лесник, лесной черт, леший, ломыга, Михайло Иванович, мохнач*.

Из других зверей в русских сказках популярен **заяц** — трусливый, безобидный и всеми обижаемый, но задира и спорщик: «Лиса и заяц» (вариант: «Заюшкина избушка»), «Заячьи слезы», «Заяц хвастун», «Заяц и лягушки». Он беззаботен, изворотлив, скор на ногу, легковверен, поддается на лесть и обман, поэтому попадает в трудное положение, но почти всегда находит выход из сложившейся неприятной ситуации, как, к примеру, в сказке «Заячьи слезы»: «Заячья доля — горькие слезы. У всякого зверя есть своя защита: у медведя — могучие лапы, у волка — крепкие зубы, у быка и барана — рога. А у зайца одна защита — длинные ноги да заячьи горькие слезы. От всякого зверя терпит заяц. Ни покоя ему, ни сытости. Научила зайца нужда свои следы путать, крутить-петлять» [РКП 2004: 78–79].

Анализ тувинских сказок о животных — «Дириг амытаннар дугайында тоолдар» («Сказки о животных») [ТНС 1994: 354–379] — показывает, что мир зверей и

домашних животных в них весьма разнообразны. Наиболее частотными персонажами выступают дикие звери *арзылаң* ‘лев’, *адыг* ‘медведь’, *кодан* ‘заяц’, *бөрү* ‘волк’, *күске* ‘мышь’, *дилги* ‘лиса’, домашние животные *аът* ‘конь’, *хунажык* ‘козлик’, *кулун* ‘жеребенок’, насекомые *кымыскай* ‘муравей’, птицы *сааскан* ‘сорока’, *шиижегей* ‘чиж’ и др. Поскольку тувинцы занимались охотой и скотоводством, в сказках ярко описываются повадки животных, их масть, виды кормов, среда обитания.

Ключевой идеей сказок о животных у тувинцев, как и у многих других народов, является борьба между слабыми, но сообразительными животными. Так, в сказке «Хунажык» («Козлик») слабый, отощавший козлик, одиноко живущий на заброшенном стойбище, обманывает волка, медведя и семерых волков. В сказке «Чеди оолдуг сааскан» («Сорока с семьей птенцами») маленькая мышь спасает птенцов сороки от прожорливой лисы, в сказке «Чыраа кулун» («Жеребенок-иноходец») жеребенок справляется с волком и т. д. В одном случае персонажам помогает смекалка, в другом выручают природные качества, в третьем — вовремя сказанные слова и угрозы, которые напугали хищника.

В башкирских сказках о животных также ярко описаны образы зверей и птиц [БНТ 2009]. Сходство кочевого образа жизни башкир и тувинцев, общие мифологические корни фольклора обуславливают идентичные сюжеты, образы и описание культа животных. В башкирских сказках о животных фигурируют следующие наименования животных: *айыу* ‘медведь’, *бүрө* ‘волк’, *куян* ‘заяц’, *төлкө* ‘лиса’, *сыскан* ‘мышь’, *ат* ‘конь’, *бесэй* ‘кот’, *бал корто* ‘пчелы’, *карга* ‘ворона’, *бөркөт* ‘беркут’, *кәкүк* ‘кукушка’, *тургай* ‘воробей’ и др.

Специфический сюжет, отражающий образ жизни башкир, изложен в сказке «Айыу менән бал корттары» («Медведь и пчелы»). Башкиры издревле занимались бортничеством и добывали дикий мед в дуплах деревьев. Медведь тоже любит мед. В сказке рассказывается о том, что у медведя когда-то был длинный пушистый хвост, которым он отгонял пчел и лакомился медом

из дупла. Пожаловались они человеку. Человек спас пчел, отрубив медведю хвост, с тех пор он бесхвостый, а пчелы и человек стали дружить.

«*Зинһар, беззе айыузан коткар. Был кыяк аяклы мәкерле юлбасарзан без бөтөнләй йәшәмәйбез. Бының өсөн без һиңә бик рәхмәтле буласакбыз һәм һине хуш есле һәм татлы бал менән һыйлаясаҡбыз*». *Кеше ризалаша. Шул ваҡыттан алып бал корттары һәм кешеләр ысын дуҫтар булып китә. Эшһөйәр бал корттары шиғалы бал йыя һәм кешеләрҙе һыйлай, ә кешеләр бал корттарын һәр яҡлап һаҡлай, һаҡлай һәм уларға йылы һәм уңайлы умарталар төҙөй* «Пожалуйста, спаси нас от медведя. Совсем нам житья нет от этого косолапого поганого разбойника. Мы будем тебе за это очень благодарны и будем угощать тебя душистым и сладким медом!» Человек согласился. С тех самых пор пчелы и люди стали самыми настоящими друзьями. Трудолюбивые пчелки собирают целебный мед и угощают им людей, а люди всячески оберегают пчел, защищают их и строят им теплые и уютные ульи»¹ [БНТ 2009: 23].

Как в тувинских, так и в башкирских сказках отражены традиционные верования народов о сверхъестественном родстве человека и животного (тотемизм).

Так, в тувинской сказке «Адыг оглу Ыйгылак-Кара моге» («Медвежий сын силач Ыйгылак-Кара») говорится о женщине, которая прислуживала хану. Она пошла за водой, ее украл медведь и сделал своей женой. И родила она сына-силача.

Демги шивишкин кадай кежээ углап чорда, суг узар черинге адыг кедеп чыткаш, кадайны тудуп алгаи, куспактан алги, чоруй барган-даа увен иргин... Оон соонда божжаан, оол уруг торуп алган ‘Вечером та шивишкин² за водой отправилась, а там, где брали воду, медведь ее подстерегал; схватил он женщину в охапку и пошел... Забеременела она, мальчика родила’ [ТНС 1994: 226].

В башкирских сказках «Айыуғолак» («Аюголак — медвежье ухо»), «Айыу егет» («Медведь-парень») женщина тоже родила батыра от медведя.

¹ Здесь и далее перевод авторов статьи.

² Шивишкин — служанка, прислужница.

Шулай итеп, айыу менән бергә байтак замандар йәшәгәс, әбей шунда айыу өңөндә бәпесләгән, ти. Зур колаклы бер малай тапкан, ти, ул. Шунан бер сак айыузың сығып киткәнән карап кына торған да бәпесен күтәреп кайтып киткән, ти. Әбей өйөнә кайтып инһә, бабай үләр сиккә етеп кайгырып ултыра икән. Шунан әбей хәлдә һөйләп аңлаткан да бәйесте күрһәткән. Бабай балалары булыуға бик шатланған, ти. Бәпестең колагы айыу колагына окшағанға, уға Айыуғолак тип исем кушкандар ‘Итак, прожив с медведем долгую пору, старуха родила, говорят, в медвежьей берлоге. Родила мальчика с большими ушами, говорят. А потом, как-то однажды увидев, что медведь ушел, старуха с дитем домой вернулась. Старуха возвращается домой, а там дед от горя, оказывается, при смерти лежит. Старуха рассказала ему свою историю и показала дитя. Дед очень обрадовался, что у них теперь есть ребенок, рассказывают. Из-за того, что уши малыша были похожи на уши медведя, его назвали Айыуғолак’ [БНТ 1978: 143].

Медведь символизирует силу, мощь, поэтому медвежий сын, рожденный женщиной от медведя, обладает недюжинной силой и храбростью, но, в отличие от злого медведя, помогает людям.

В сказке «Бүре улы Сынтимер-бәһлеуән» («Волчий сын Сынтимер-пехлеван»¹) волк украл дочь царя и сделал ее женой.

Көндәрзән бер көндө, үзенең асырауы менән баксала йөрөгән вакытта, былар янына һикереп кенә бүре керзе лә, батша кызын елкәһенә һалып, алып сыкты ла китте, асырау ылай торзо ла калды, ти. Бүре, күз асып йомғансы, кызы бер тау янына еткерзе, ти ‘Однажды, когда она гуляла со своей кормилицей по саду, к ним волк запрыгнул в сад и, взвалив дочь царя на загривок, вынес и убежал, а кормилица, заплакав, осталась [одна]. В мгновение ока волк донес девушку до горы’. И родила дочь царя от волка сына, батыра Сынтимера [БНТ 1978: 134].

Одинаковы в тувинской и башкирской мифологии и культы животных — культ волка, коня, медведя. На них нельзя было охотиться, есть их мясо. Даже их названия

были табуированными, как и у ряда других народов [Khairullina et al. 2020: 1970]. Русские также называли медведя *Сам, дедушка, Михайло Потапыч, хозяин*, башкиры — *бабай* ‘старик’, *олотай* ‘дедушка’, *атабыз* ‘отец наш’, *урман эйһе* ‘хозяин леса’, *урман кото* ‘душа леса’. В то же время конь, который у кочевых народов почитался и был символом благополучия и богатства, а по мнению некоторых исследователей, даже был тотемом, для кочевых народов мог быть и источником пропитания [ИКБ 1997: 198].

Можно отметить, что в башкирских и тувинских сказках наблюдается некоторый натурализм в описании отношений человека и диких зверей, животных и мифических существ. Например, в башкирской сказке «Айыу менән карт» («Медведь и старик») описывается, как медведь разорвал на части старика, в капкан которого он попал и лишился лапы, а его старуху выволок за волосы из-под нар [сәке] и съел [БНТ 2009: 119]. В тувинской сказке «Калбак анай» («Козленок на слабых ножках») козлик попал в лапы злой чылбыги-ведьмы, и она подвесила его к очагу в чуме.

Калбак анай мыяктап, сидиклеп-ле турган-дыр. Оон чылбыганын уруглары уну чиш чип «калбак анайнын узу, чаа токту берди», деп турганнар ‘Козленок на слабых ножках облегался, мочился (от страха). А что от него отделялось, дети чылбыги собирали и ели’. Затем козленок убил детей чылбыги, поджарил их печень и почки и скормил их чылбыге [ТНС 1994: 361].

В русских, башкирских и тувинских сказках наблюдаются параллельные сюжеты — о рождении женщиной детей от животных (башкирская сказка «Айыуғолак» («Аюголак — медвежье ухо»), тувинская сказка «Адыг оглу Ыйгылак-Кара моге» («Медвежий сын силач Ыйгылак-Кара»)), об использовании в бою с чудищами живой и мертвой воды (в русских сказках «Сказка о молодильных яблоках и живой воде», «Марья Моревна», «Медное, серебряное и золотое царство»; в башкирской сказке «Дарыу элзәүселәр» («Искатели лекарства»)), о помощи мифических животных богатырям и батырам (в русской сказке «Иван и Чудо-юдо», в башкирской сказке «Айыуғолак» («Аюголак —

¹ «Пехлеван» с персидского ‘герой, богатырь’.

медвежье ухо»), в тувинской сказке «Адыг оглу Ыйгылак-Кара моге» («Медвежий сын силач Ыйгылак-Кара»)), что свидетельствует о стереотипности первобытного мышления и миропонимания человека.

В волшебных сказках разговаривают на человеческом языке не только звери и птицы, но и неодушевленные предметы. В русской сказке «Гуси-лебеди» разговаривает печь и угощает девочку пирожками, в башкирской сказке — калитка, которую не смазывали тысячу лет, а батыр смазал ее петли маслом, и она помогла ему — не открылась перед чудищем.

Интересны сказочные формулы, сходные в сказках разных народов. Так, в русской сказке «Илья-Муромец» богатырь видит камень с надписью: «Влево поедешь — будешь женат, вправо поедешь — будешь богат, прямо поедешь — будешь убит» [Илья-Муромец и змей 1914: 175]. В башкирской сказке «Дарыу эзләүселәр» («Искатели лекарства») перед батыром появляется доска с надписью: *...һәр юл сатында — такта, тактала шундай языу бар, ти: «Уңға киткән уңар, һулға киткән туңар, уртаға киткән — йә уңар за, йә туңар* 'На самом краю дороги — доска, а на ней надпись, мол: «Направо пойдешь — сбудется, налево пойдешь — не сбудется, посередине пойдешь — то ли сбудется, то ли не сбудется»' [БНТ 1978: 289].

Приемом усиления динамики и торжественности повествования в сказках выступают лексические повторы: **рус.** *долго ли, коротко ли, жили-были, в некотором царстве-тридесятом государстве*; **баш.** *бәтмәс азыгы бәткәс* 'нескончаемая еда закончилась', *тузмәс кейеме тузгас* 'неизнашиваемая одежда износилась', *арымәс аты арыгас* 'неутомимый конь утомился', *борон-борон заманда* 'в давние-древние времена'; **тув.** *Эртенгинин-эртезинде* 'раньше раннего', *эзеп-хирлип* 'шатаясь-качаясь', *чувве-дир* 'жил-поживал', *семиз-чаагай* 'жирненький-хорошенький' и т. д.

Больше общего в мифическом осмыслении мира в башкирских и тувинских сказках. Например, в башкирской сказке «Айыгуолак» («Аюголак — медвежье ухо») батыр спускается в Нижний мир, а канат, на котором он

спускается, перерезает один из братьев, позавидовавший красоте жены Аюголака. Его спасает волшебная птица *Самрегош* (Самрау) в благодарность за спасение ее птенцов. В полете в Верхний мир Аюголак бросает ей в пасть кусок своей ноги, чтобы у нее были силы долететь до верха [БНТ 1978: 143].

«Ярай, — тигән Самрегош, — мин һине ер өстөнә сыгарырмын». Уң ботоноң һум итен кыркып алды ла Самрегошка каптырзы, ти» '«Хорошо, — сказала птица Самрау, — я тебя вынесу на поверхность земли». Он [батыр] отрезал кусок мяса от правого бедра и дал Самрау, говорят' [БНТ 1978: 145]. Тот же сюжет есть в тувинской сказке, только в пасть волшебной птицы Хан-Херети медвежий сын Ыылгылак-Кара бросает свою шапку.

В сказках о животных, кроме зоонимов, используются наименования предметов быта, охотничьего снаряжения, видов жилища, музыкальных инструментов, блюд, скотоводческие термины. В русских сказках *дуда, палица, сани, печь, блины*; в башкирских сказках *курай* 'музыкальный инструмент, дуда', *йәйләү* 'летовка, летнее стойбище', *сапан* 'чапан', *бүрк* 'меховая шапка', *ук* 'лук, оружие', *кымыз* 'кумыс, кобылье молоко', *индек* 'загородка из жердей для лошадей', *сукмар* 'дубинка', в тувинских сказках *идиг* 'национальная мягкая обувь с загнутыми вверх носками', *инчиш* 'инчики, ремешки для подтягивания голенищ сапог, ремень для брюк', *баг* 'игра в городки', *шывага* 'вид мучного изделия', *садак* 'колчан, охотничья сумка', *хюндю*, *чангы* 'чиновничье звание', *чадаган* 'щипковый музыкальный инструмент', *шивиш-кин* 'служанка' и др. В сказках герои имеют имена: охотники *Юлдыбай, Абйәлил*, сын волка *Сынтимер, Имән батыр, Тау батыр* (в башкирских сказках), *Йылгылак-Кара, медвежий сын, Бурган, наставник*, скотоводы *Дунгул, Чыннык* (в тувинских сказках). Часто используются и топонимы: *Урал-тау*, гора *Чазыйты*, гора *Сумбер*, озеро *Сут*.

В волшебных сказках описываются предметы, которые человек наделил в своем воображении магической силой: *шапка-невидимка, ларец с молодцами внутри, ковер-самолет, живая и мертвая вода*,

скатерть-самобранка в русских сказках; *идики-скороходы*, *деревянная колотушка*, *трубка*, *шелковые разноцветные кадаки* (платки), *обломки точильного камня*, *гребня* — в тувинских сказках; *меч-самосек*, *топор-саморуб*, *шапка-невидимка*, *вода*, *прибавляющая или убавляющая силу*, *зеркало*, *превращающееся в озеро или реку*, *гребешок*, *который превращается в лес*, *курай*, *из которого, если герой попал в беду, капает кровь* — в башкирских сказках.

Живая и мертвая вода описывается во многих сказках. Например, в русской сказке «Сказка о молодильных яблоках и живой воде»: «Молодец Иван-царевич сорвал три яблока, а больше не стал брать да зачерпнул из колодца живой воды кувшинец о двенадцати рылец... Если съесть старику это яблоко — помолодеет, а водой этой умыть глаза слепцу — будет видеть» [НПС 1984: 176]; в башкирской сказке «Дарыу эзләүселәр» («Искатели лекарства»): *Уның ике мискә дарыулы һыуы бар. Уның береһе көс бирә, береһе көстө бөтөрә* ‘У него / дэва были две бочки с водой. В одной бочке вода силу прибавляет, в другой — силу забирает’ [БНТ 1978: 289].

Во всех народных сказках батыры-богатыри сражаются с представителями Нижнего мира, нечистой силой, мифическими чудовищами: в русских сказках это Баба-Яга, Леший, Водяной, Лихо одноглазое, Змей Горыныч, в башкирских — *Юха йылан* (змея), многоголовый аждаха (злой демон в виде змея-чудища), *Убырлы карсык* (Старуха, в которую вселился черный дух, персонаж, похожий на русскую Бабу-Ягу), *Сәмрегош* (волшебная птица Самрау), в тувинских сказках — старуха чылбыга, волшебная птица Хан-Херети [НПС 1984: 102; ТНС 1994: 227, 258; БНТ 1978: 17, 145]. Некоторые мифические чудовища помогают батырам за их добрые дела.

Из сопоставительного исследования сходных и различных, национально своеобразных сюжетов и реализации в русских, башкирских и тувинских сказках мифологием и архетипов, можно сделать вывод о том, что истоки сюжетов, содержание и лингвокультурный контекст многих сказок демонстрирует универсальные и этнические способы вербализации мифологического

мировоззрения трех народов, что обусловлено общечеловеческой природой мировоззрения и отражением образа жизни, среды жизни каждого из народов [Khairullina et al. 2020: 1972].

3. Лингвокультурологический анализ русских, башкирских и тувинских пословиц как языковых единиц, закрепивших опыт взаимодействия человека и природы

Единство человека и природы также находит закрепление, кроме сказочных текстов, и в пословичном фонде русского, башкирского и тувинского языков.

В. Н. Телия рассматривает пословицы «как язык веками формировавшейся обыденной культуры, отражающей установки жизненной философии народа — носителя языка» [Телия 1996: 241]. В них получили закрепление наблюдения людей над повадками животных и птиц, опыт хозяйствования, описание типичных бытовых ситуаций, характеристика природных явлений и процессов. Паремиялогия языка — это своеобразный код культуры, посредством которого шифруется совокупность знаний и представлений о мире и самом человеке, коллективный опыт жизни народа [Боробьев и др. 2023б: 157; Fefelova et al. 2021: 251]. Каждый народ, как известно, видит мир сквозь призму своей культуры. «Чужая душа — не вода в ковше, сразу не разглядишь», — гласит русская пословица. Душа каждого народа — это характер народа, его историческая память, культура, его язык.

Русские пословицы как лингвокультурный феномен исследуются в трудах видных фразеологов [Телия 1996; Мокиенко 2009; Пермяков 1975; Селиверсова 2017], башкирские пословицы являются объектом изучения в работах тюркологов [Хисамитдинова 2019; Гарипова 2010; Ураксин 1975; Фаткуллина, Хайруллина 2020] тувинские пословицы исследуются в работах тувинских и российских ученых [Бочина 2023; Соян, Ломакина 2024; Будуп 2020; Ламажа-аи др. 2023; и др].

Сопоставительное исследование структурно-семантических и лингвокультурных особенностей пословиц в трех языках показывает, что взаимодействие человека и

природы в пословичном фонде народов, в нашем исследовании русского, башкирского и тувинского, обусловлено, прежде всего, их практической (трудовой) деятельностью, которая имеет свою специфику (кочевой или оседлый образ жизни, тип хозяйствования, ремесла и промыслы), а также проживанием в конкретных природных условиях (равнины, поля, степь, тайга, горы и др.). Универсальный характер человеческого существования на Земле обуславливает формирование эквивалентных пословиц, этнические особенности жизни — национально маркированных единиц [Воробьев и др. 2023а: 65–66].

Например: **рус.** *Рыба ищет, где глубже, а человек — где лучше*; **баш.** *Балык лайлы ер эзлэй, эдэм яйлы ер эзлэй* ‘Рыба глубокое место ищет, а человек — удобное’; **тув.** *Балык кайда ханызын, а кижжи кайда экизин дилеп чоруур* ‘Рыба где глубокое, а человек, где хорошее [место] ищет’.

Национально специфические образы в пословицах отражают актуальные для конкретного народа объекты живого и неживого мира, предметы быта и практику их применения, абстрактные понятия.

Например: **рус.** *Осенью и воробей богат; Осень припасиха, зима — прибериха* (о богатом урожае зерна, который собирают осенью); **баш.** *Ер баҫтырығы — тау, тау баҫтырығы — таи* ‘Опора земли — горы, опора гор — камни’; **Ағас үлеме балтанан** ‘Дерево гибнет от топора’; **тув.** *Аьдың чок-даа болза, Аргамчың белетке* ‘Готовь аркан, если даже нет коня’ [ППТН 2020: 13; БНТ 1980: 332].

Взаимодействие человека с природой также реализуется в описании его отношений с животным и растительным миром, в характеристике явлений природы, ландшафта сквозь призму этнической культуры.

Если в сказках животные уподобляются человеку, то в пословичном фонде получают закрепление их внешние признаки, повадки, знания о которых были полезными в процессе охоты на них, разведения в хозяйстве. Можно сказать, что в пословицах в качестве компонентов выступают названия тех же животных и птиц, которые являются персонажами русских, башкирских и тувинских сказок. Это *медведь, волк, лиса, коза, заяц, ворона, конь, воробей, муравей, рыба, змея.*

Кроме этих наименований, в башкирских пословицах встречаются компоненты *ишак, пчела, беркут, жеребенок, скот*, в тувинских — *олень, верблюд, жеребенок, скот*.

В русских пословицах единство человека и природы выражается в утверждениях о том, что человек — это тоже часть природы, часть окружающего мира, и надо стремиться жить с ним в гармонии. Например: *Срубить дерево — пять минут, вырастить — сто лет; земля кормит людей, как мать — детей; много леса — не руби, мало леса — не губи, нету леса — посади*.

Поскольку башкирский и тувинский языки относятся к тюркской семье языков (башкирский — к кыпчакской, а тувинский — к саяно-алтайской группе), в этих языках много пословиц с компонентом *ат / аьт* ‘конь’, *бүре / бөрү* ‘волк’, *дала / хову* ‘степь’, *куй / хой* ‘овца’.

Например: **баш.** *Бүренең көсө тешендә, кешенең, көсө эшендә*. ‘Сила волка в зубах, а человека — в делах’, *Ат сапканда беленер* ‘Конь в беге познается’ [БНТ 1980: 34, 235]. **Тув.** *Арган мал семириш, / Аарыг кижжи сегиш* ‘И худой конь сил наберется, / И больной человек поправится’ *Тоткан кижээ тогду кудуруу кадыг* ‘Для сытого и годовалой овцы курдюк жесткий’; *Бөрү кырыза-даа, дижи чидиг* ‘Волк старый, но зуб — острый’ [ППТН 2020: 16, 58, 93].

Однако можно найти эквивалентные пословицы в русском и тувинском языках, в русском и башкирском языках, которые отражают общечеловеческий коллективный опыт.

Например: **рус.** *И волки сыты, и овцы целы* — **баш.** *бүре лә тук, куй за тәүәл* ‘И волк сыт, и овца цела’; **рус.** *Ворон ворону глаз не выклюет* — **баш.** *карга карганын күзен сукымай* ‘Ворона вороне глаз не клюет’; **рус.** *Коней на переправе не меняют* — **баш.** *Кисеүзә ат алмаштырмайзар* ‘На переправе коня не меняют’; **рус.** *Волка ноги кормят* — **тув.** *Бөрүнү буттары чемгерер* ‘Волка ноги кормят’ [ППТН 2020: 94; БНТ 1980: 34; ПРН 1989: 39].

Эквивалентные единицы с некоторыми вариантными компонентами в башкирском и тувинском языках образовались в виду кочевого образа жизни народов. Например: **баш.** *Ел исмәй, япрак һелкенмәй* ‘Ветер не веет —

листья не колышутся’ [БНТ 1980: 107] — **тув.** *Хат чокта, сиген бажы шимчевес* ‘Без ветра трава не зашелестит’; **баш.** *Аты барзын — канаты бар* ‘У кого есть конь, у того есть крылья’ [БНТ 1980: 112] — **тув.** *Ада чокта — эш чок, Аьды чокта — бут чок дег* ‘Без отца — как без друга, без коня — как без ног’; **башк.** *Азыклы ат арымас* ‘Сытый конь не устает’ — **тув.** *Аът тодарга, хоюганы кончуг анаар, Ыт тодарга, каржызы кончуг анаар* ‘Сытый конь очень пугливым становится, Сытая собака очень злой становится’ [ППТН 2020: 87; БНТ 1980: 129].

В пословицах описываются наблюдения над явлениями природы, которые были важны как в повседневной жизни, так и трудовой деятельности людей.

Например: **рус.** *Где гроза, тут и ведро; Отколе гроза, оттоле и ведро* [ПРН 1989: 43]; *Утро вечера мудренее* [ПРН 1989: 98]; *Не ленись за плужком — будешь с пирожком* [ПРН 1989: 156]; **баш.** *Елэк берәмләп йыйыла*. ‘Ягоды по одной собирают’ [БНТ 1980: 35]; *Кейез калыны беләккә төшә* ‘Тяжесть войлока на плечах’ [БНТ 1980: 37]; *Көтөү адашмай, көтөүсә азаптыра* ‘Стадо [само] не может заблудиться, а из-за пастуха может’; *Һимезлектә куй күтәрер, ауырлыкты ир күтәрер* ‘Овце жир не в тягость, джигиту трудности не тягость’ [БНТ 1980: 159]; *Ай булмаһа — йондоз бар* ‘Нет луны — звезды есть’ [БНТ 1980: 143]; **тув.** *Шаг шаа-биле түрбас, Чавылдак көгү-биле чытпас* ‘Траве вечно не зеленеть, времени на месте не стоять’ [ППТН 2020: 71]; *Үе кээрге, «адыр» чок, Үер кээрге, чай чок* ‘Времени не скажешь: пожди, половодью не скажешь: повремени’ [ППТН 2020: 55]; *Өрттенген сыннан ыяш үнер, Өлген өшкүдөн дүк үнмес* ‘В сгоревшем лесу деревья вырастут, у павшей козы шерсть не вырастет’ [ППТН 2020: 45]; *Балык бажындан чыдыыр, терек өззәнден ириир* ‘Рыба с головы тухнет, тополь с сердцевины гниет’; *Азыраан мал төне бээр, Арганың аң-меңи төнмес* ‘Домашний скот может кончиться, а зверь в тайге — нет’ [ППТН 2020: 84]; *Пөске от эдектевес* ‘В подоле огонь не носят’ [ППТН 2020: 47]; *Эки аът орук часпас, өдүрек куш хөл часпас* ‘Хороший конь не собьется с дороги, утка не пролетит мимо озера’ [ППТН 2020: 75] и др.

В башкирских и особенно в тувинских пословицах частым приемом является синтаксический параллелизм: **тув.** *Авага ажы-төлү артык, Аңчыга алды-киш артык* ‘Матери дите дорого, охотнику — черный соболь’ [ППТН 2020: 40–41], *Донгурактан дангырак чидик, тоолайдан таалай чугурук* ‘Клятва сильнее ножа, молва быстрее зайца; *Алыры амыр, Бээри берге* ‘Взять легко, отдавать трудно’ [ППТН 2020: 15]; **баш.** *Бал тапмаган корт булмас, мал тапмаган егет булмас*. ‘Пчела без меда не пчела, а джигит без скотины не джигит’, *Буренең көсө теиендә, кешенең, көсө эиендә*. ‘Сила волка в зубах, а человека сила в его делах’; *Азыклы ат арымас, азыкһыз ат бармас*. ‘Сытый конь не устанет, голодный конь не повезет’ [БНТ 1980: 34, 54, 169].

Таким образом, сказки и пословицы, отражающие единство человека и природы, имеют в своих онтологических истоках, содержании и логике закрепления опыта познания свою специфику. Как показал анализ языкового материала, если в сказках человек и природа — единое целое, то в пословицах можно наблюдать уже следующий, последовательный этап осмысления окружающего мира человеком как главного субъекта мира, для которого природа становится не просто домом бытия, но и объектом познания в его историко-культурном развитии.

4. Заключение

Проведенный анализ позволил выявить мифологические представления о мире, специфику взаимодействия человека с природой, которое нашло яркое выражение в фольклорных текстах (сказках и пословицах в фонде).

Мифологическая картина мира разных народов, как показывает наш анализ, имеет общие онтологические корни, ее специфика обусловлена наивными верованиями, скудными знаниями человека о природе явлений и фактов объективного мира, очеловечиванием всего сущего на Земле (животного и растительного мира, объектов ландшафта, атмосферных явлений и т. д.). Так, в сказках о животных человек общается с животными и птицами на человеческом языке, животные и птицы разговаривают между собой, т. е. происходит

их одушевление: они разговаривают, имеют свой дом, ходят друг к другу в гости. Любая сказка о животных нацелена на раскрытие человеческого характера, его психологии, а образы животных постепенно стали средством морального поучения. В сказках о животных постоянно осуждаются человеческие пороки: глупость, лень, хитрость, жадность, обман в целях наживы, угнетение слабых.

Главными действующими лицами в исследуемых сказках являются дикие или домашние животные, птицы, рыбы, насекомые, иногда культурные артефакты и растения: *дилги* ‘лиса’, *бөрү* ‘волк’, *адыг* ‘медведь’, *кодан* ‘заяц’; *собака*, *кот*, *коза (козлята)*, *петух*; *курочка Ряба*; *зеркальце*, *гребешок*, *арзылаң* ‘лев’, *аът* ‘конь’, *хунажык* ‘козлик’ и т. д. Основные повадки действующих лиц в сказках о животных нашли отражение в языке и передаются с помощью следующих образных единиц: *Хитёр, как лиса, труслив, как заяц; И волки сыты, и овцы целы; Эки аът орук часпас, Одүрек куш хөл часпас и под.*

Частотным является использование эпитетов и атрибутивов, подчеркивающих присущие животным свойства и характеристики: лиса — *на поле краса, премудрая княгиня, кумушка, лисица — масляная губица*, волк — *серый, (большой) дурачина, любезный кум, серый дурак, дурень*; медведь — *мохнатый, косопалый, сивопалый, старый черт, зверь, косматый, костоправ, куцый, лесник* и др.

Во всех исследуемых лингвокультурах наблюдается использование сказочных формул и лексических повторов, которые носят сходный характер. В **рус.**: *Влево поедешь — будешь женат, вправо поедешь — будешь богат, прямо поедешь — будешь убит*. В **баш.**: *Уңға киткән уңар, һулға киткән туңар, уртаға киткән — йә уңар за, йә туңар* ‘Направо пойдешь — сбудется, налево пойдешь — не сбудется, посередине пойдешь — то ли сбудется, то ли не сбудется’; **рус.**: *долго ли, коротко ли, жили-были, в некотором царстве-тридесятом государстве*; **баш.**: *бөтмәс азыгы бөткәс* ‘нескончаемая еда закончилась’, *тузмас кейеме тузгас* ‘не изнашиваемая одежда изнасилась’, *арымас аты арыгас* ‘неутомимый конь утомился’, *борон-борон заманда* ‘в давние-древние времена’; **тув.**: *эртенгинин-эртезинде* ‘раньше

раннего’, *эзеп-хирлип* ‘шатаясь-качаясь’, *чүве-дир* ‘жил-поживал’, *семиз-чаагай* ‘жирненький-хорошенький’ и т. д.

Как в тувинских, так и в башкирских сказках отражены традиционные верования народов о сверхъестественном родстве человека и животного (тотемизм), а также рождение женщиной детей от животных, что не характерно для системы мышления первобытных славян и, соответственно, не получило отражение в фольклоре и литературе.

Единство человека и природы также нашло закрепление и в паремиологическом фонде русского, башкирского и тувинского языков, а также в национально маркированных единицах, что обусловлено универсальным характером человеческого существования на Земле. Например: **баш.** *Аттан ала ла, кола ла тыуа* ‘От лошади и сивый, и пегий [жеребенок] родится’); **тув.** *Аът болуру кулундан, кижси болуру чажындан* ‘Конь вырастает из жеребенка, человек — из малого ребенка’; **рус.** *Волка ноги кормят* — **тув.** *Бөрүнү буттары чемгерер* ‘Волка ноги кормят’ и др. [ПШТН 2020: 94].

В башкирских и особенно в тувинских пословицах частым приемом является синтаксический параллелизм: **тув.** *Донгурак-тан дангырак чидик, тоолайдан таалай чу-гурук* ‘Клятва сильнее ножа, молва быстрее зайца’; *Аштың йәме тоз менән, өйзөң йәме кыз менән*. ‘Вкус еды — соль, а красота дома — дочь’ [БНТ 1980: 125].

Таким образом, коллективный опыт осмысления объективной действительности и самого себя как его части получил выражение в мифах, обрядах, содержание которых транслируется в сказочных текстах, пословицах, представляющих собой квинтэссенцию первобытного мировоззрения, закодированный опыт и философию жизни народа.

Общечеловеческий и этнический компоненты мифологической картины мира русского, башкирского и тувинского народов стали логической основой формирования национального менталитета, этнической культуры, которые придают языковой картине мира неповторимую самобытность и создают возможность транслировать особенности культурно-исторического народа от поколения поколению.

Сокращения

баш. — башкирский;

рус. — русский;
тув. — тувинский.

Источники

- БНТ 1978 — Башкирское народное творчество. В 3 кн. Кн. 3. Сказки. (= Башкорт халык ижады: әкиәттәр). Уфа: Башкнигоиздат, 1978. 287 с. (На баш. яз.)
- БНТ 1980 — Башкирское народное творчество. Пословицы и поговорки. (= Башкорт халык мәкәлдәре һәм әйтемдәре). Уфа: Башкнигоиздат, 1980. 472 с. (На баш. яз.)
- БНТ 2009 — Башкирское народное творчество (=Башкорт халык ижады): в 13 тт. Т. 13. Сказки о животных. (= Хайуандар тураһында әкиәттәр). Өфө: Китап, 2009. 200 с. (На баш. яз.)
- ИКБ 1997 — История и культура Башкортостана. Хрестоматия / под ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. Уфа: АО МДС, 1997. 480 с.
- Илья-Муромец и змей 1914 — Илья-Муромец и змей // Русские народные сказки А. Н. Афанасьева: в 5 т. / под ред. А. Е. Грузинского; с картинами А. Комарова и М. Щеглова. Т. 4. М.: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1914. 288 с.
- Лиса и волк — Лиса и волк. Русские сказки Забайкалья // Пословицы и поговорки мира.

URL: https://www.sayings.ru/proverb/fairy_tale/zabaykalie/003.html (дата обращения: 10.12.2023).

- НРС 1940 — *Афанасьев А. Н.* Народные русские сказки / под ред. М. Азадовского. Л.: Гослитиздат, 1940. 460 с.
- НРС 1984 — Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в 3 т. Т. I / изд. подгот.: Л. Г. Бараг и Н. В. Новиков; отв. ред. Э. В. Померанцева, К. В. Чистов. М.: Наука, 1984. 511 с.
- ППТН 2020 — Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тув. кн. изд-во; Радуга Тувы, 2020. 112 с. (На тув. и рус. яз.).
- ПРН 1989 — Пословицы русского народа: в 2 тт. Т. 1. Худож. Г. Клодт. М.: Худ. лит., 1989. 433 с.
- РКП 2004 — *Брилева И. С., Вольская Н. П., Гудков Д. Б., Захаренко И. В., Красных В. В.* Русское культурное пространство: лингвокультурологический словарь. М.: Гнозис, 2004. 300 с.
- ТНС 1994 — Тувинские народные сказки Т. 8 / сост. З. Б. Самдан, отв. ред. тома В. М. Гацак. Новосибирск: Наука, 1994. 461 с.

Sources

- Afanasyev A. N. Russian Folktales Collected by A. Afanasyev. In 3 vols. Vol. 1. E. Pomerantseva, K. Chistov (eds.); L. Barag, N. Novikov (texts). Moscow: Nauka, 1984. 511 p. (In Russ.)
- Afanasyev A. N. Russian Folktales. M. Azadovsky (ed.). Leningrad: Goslitizdat, 1940. 460 p. (In Russ.)
- Brileva I. S., Volskaya N. P., Gudkov D. B., Zakharenko I. V., Krasnykh V. V. Russian Cultural Space: A Linguoculturological Dictionary. Moscow: Gnosis, 2004. 300 p. (In Russ.)
- Budup B. K. (comp.) Tuvan Sayings and Proverbs. Kyzyl: Tyva Book Publ., Raduga Tuvy, 2020. 112 p. (In Tuv. and Russ.)
- Dal V. I. The Sayings and Bywords of the Russian People. In 2 vols. Vol. 1. G. Clodt (illust.). Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1989. 433 p. (In Russ.)
- Илья-Муromets and the Serpent. In: Afanasyev A. N. Russian Folktales Collected by A. Afanasyev. In 5 vols. A. Gruzinsky (ed.); A. Komarov, M. Shcheglov (illust.). Vol. 4. Moscow:

- I. Sytin, 1914. 288 p. (In Russ.)
- Khisamitdinova F.G. (ed.) History and Culture of Bashkortostan: A Chrestomathy. Ufa: MDS, 1997. 480 p. (In Russ.)
- Khusainova G. R. (comp.) Bashkir Folklore. In 13 vols. Vol. 13: Folktales about Animals. Ufa: Kitap, 2009. 200 p. (In Bash.)
- Nadrshina F. A. (comp.) Bashkir Folklore. Proverbs and Sayings. Ufa: Bashkortostan Book Publ., 1980. 472 p. (In Bash.)
- Samdan Z. B. (comp.) Tuvan Folktales (Monuments of Siberian and Far Eastern Folklore 8). V. Gatsak (ed.). Novosibirsk: Nauka, 1994. 461 p. (In Russ.)
- The Fox and the Wolf (Russian folktales of Transbaikalia). On: Sayings and Proverbs of the World. Available at: https://www.sayings.ru/proverb/fairy_tale/zabaykalie/003.html (accessed: 10 December 2023). (In Russ.)
- Zaripov N. T., Mingazhitdinov M. Kh. (comps.) Bashkir Folklore. In 3 vols. Vol. 3: Folktales. Ufa: Bashkortostan Book Publ., 1978. 287 p. (In Bash.)

Литература

- Бочина 2023 — *Бочина Т. Г.* Числовой и цифровой код тувинских загадок о человеке // Новые исследования Тувы. 2023. № 3. С. 6–20.
- Будуп 2020 — *Будуп Б. К.* Пословицы тувинского народа. Кызыл: Тув. кн. изд-во им. Ю. Ш. Кюнзегеша, 2020. 112 с.

- Воробьев и др. 2023а — *Воробьев В. В., Фаткуллина Ф. Г., Саитбатталов И. Р.* Лингвокультурологический аспект перевода библейских текстов на тюркские языки на материале русского, башкирского и тувинского языков // Новые исследования Тувы. 2023. № 4. С. 61–69. DOI:

- <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.4>
- Воробьев и др. 2023б — *Воробьев В. В., Фаткуллина Ф. Г., Кужугет Ш. Ю.* Лингвокультурологическое описание пространственного кода культуры (на материале русского и тувинского языков) // Новые исследования Тувы. 2023. № 4. С. 153–170. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.11>
- Гарипова 2010 — *Гарипова Г. Р.* Концепт «гостеприимство» в русском и английском языках: дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 2010. 23 с.
- Егорова 2016 — *Егорова О. А.* Сказка как отражение древних представлений человека о природе // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 3-3. С. 175–179.
- Зеленин 1995 — *Зеленин Д. К.* Очерки русской мифологии: умершие неестественной смертью и русалки. М.: Индрик, 1995. 432 с.
- Кенин-Лопсан 2008 — *Кенин-Лопсан М. Б.* Дыхание черного ветра. Мифологическое наследие тувинского шаманизма. М.: Велигор, 2008. 192 с.
- Куулар 2000 — *Куулар Д. С.* Тувинский фольклор в контексте центрально-азиатских устно-поэтических традиций: дисс. ... д-ра филол. наук. Улан-Удэ, 2000. 46 с.
- Ламажаа и др. 2023 — *Ламажаа Ч. К., Сувандиш Н. Д., Монгуш А. В.* Святое в тувинской культуре: прошлое и современность // Новые исследования Тувы. 2023. № 3. С. 220–241. DOI: [10.25178/nit.2023.3.14](https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.14)
- Леви-Стросс 1978 — *Леви-Стросс К.* Мифологии. В 4 тт. М.: Университетская книга, 2000. 461 с.
- Левкиевская 2000 — *Левкиевская Е.* Мифы русского народа. М.: Астрель, 2000. 528 с.
- Маслова 2007 — *Маслова В. А.* Homo lingualis в культуре. М.: Гнозис, 2007. 318 с.
- Мелетинский 2000 — *Мелетинский Е. М.* От мифа к литературе. М., РГГУ, 2000. 169 с.
- Мокиенко 2010 — *Мокиенко В. М.* Современная паремиялогия (лингвистические аспекты) // Мир русского слова. 2010. № 3. С. 6–21.
- Надршина 1968 — *Надршина Ф. А.* Слово народное. Уфа: Китап, 1983. 160 с. (На баш. яз.).
- Орус-оол 2001 — *Орус-оол С. М.* Тувинские героические сказания» (текстология, поэтика, стиль). М.: МАКС Пресс, 2001. 422 с.
- Пермяков 1975 — *Пермяков Г. Л.* К вопросу о структуре паремиялогического фонда // Типологические исследования по фольклору: сб. ст. памяти В. Я. Проппа / сост. Е. М. Мелетинский, С. Ю. Неклюдов. М.: Наука, ГРВЛ, 1975. С. 247–274.
- Пропп 1976 — *Пропп В. Я.* Фольклор и действительность: Избранные статьи. М.: Наука 1976. 327 с.
- Селиверстова 2017 — *Селиверстова Е. И.* Пространство русской пословицы. М.: Флинта-Наука, 2017. 296 с.
- Сиссе 2020 — *Сиссе К.* Тотемный символ, персонаж русских сказок — медведь // Нефилология. 2020. Т. 6. № 21. С. 164–169. DOI: [10.20310/2587-6953-2020-6-21-164-169](https://doi.org/10.20310/2587-6953-2020-6-21-164-169)
- Соян, Ломакина 2024 — *Соян А. М., Ломакина О. В.* Образ юрты в тувинской паремиялогии: когнитивный подход // Когнитивные исследования языка. Общероссийская общественная организация Российская ассоциация лингвистов-когнитологов. 2024. № 2. С. 103–107.
- Степанова, Алентьева 2006 — *Степанова Т. М., Алентьева М. А.* О мифологической составляющей фольклора и литературы // Вестник Адыгейского государственного университета. 2006. № 1. С. 224–226.
- Телия 1996 — *Телия В. Н.* Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.
- Тер-Минасова 2000 — *Тер-Минасова С. Г.* Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие. М.: Слово / Slovo, 2000. 624 с.
- Толстой 2003 — *Толстой Н. И.* Очерки славянского язычества. М.: Индрик, 2003. 622 с.
- Топоров 1995 — *Топоров В. Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. Избранное. М.: Прогресс-Культура, 1995. 624 с.
- Уметбаев 1998 — *Уметбаев М. И.* Башкиры // Ватандаш. 1998. № 2. С. 159–173.
- Ураксин 1975 — *Ураксин З. Г.* Фразеология башкирского языка. М.: Наука, 1975. 192 с.
- Фаткуллина, Хайруллина 2020 — *Фаткуллина Ф. Г., Хайруллина Р. Х.* Особенности национального понимания в паремиялогии: сравнительно-сопоставительное исследование (на материале русского, башкирского и турецкого языков) // Паремиялогия без границ. М.: РУДН, 2020. С. 149–163.
- Халимулина 2008 — *Халимулина Р. С.* Мифологическая картина мира: гносеологический аспект: автореф. дисс. ... канд. филос. наук. М., 16 с.
- Хисамитдинова 2019 — *Хисамитдинова Ф. Г.* Словарь башкирской мифологии. Уфа: Китап, 2019. 432 с.
- Юнг 1994 — *Юнг К. Г.* Проблемы души нашего времени. М.: Прогресс, 1994. 336 с.
- Fefelova et al. 2021 — *Fefelova G., Fatkullina F., Sagitova A., Khairullina R.* Conceptual framework and mentality as postulates of cognitive linguistics // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. 2021. № 2. Pp. 249–255. DOI: [10.15405/epsbs.2021.02.02.32](https://doi.org/10.15405/epsbs.2021.02.02.32) (На англ. яз.)
- Khairullina et al. 2020 — *Khairullina R., Fatkullina F., So Qiang., Lin Ziyu.* Taboo as a Linguistic and Cultural phenomenon // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. 2020. Vol. 92. Pp. 1969–1975 (На англ. яз.).

References

- Bochina T. G. Numerical and color code as an element of Tuvan riddles about man. *New Research of Tuva*. 2023. No. 3. Pp. 6–20. (In Russ.) DOI: 10.25178/nit.2023.3.1
- Budup B. K. Tuvan Proverbs. Kyzyl: Kyunzegesh Tyva Book Publ., 2020. 112 p. (In Tuv. and Russ.)
- Cisse K. Totemic symbol, character of Russian tales – bear. *Neophilology*. 2020. Vol. 6. No. 21. Pp. 164–169. (In Russ.) DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-21-164-169
- Egorova O. A. Folktale as manifested ancient ideas about nature. *Aktual'nye Problemy Gumanitarnykh i Estestvennykh Nauk*. 2016. No. 03 (86). Pp. 175–179. (In Russ.)
- Fatkullina F. G., Khairullina R. Kh. Ethnic understandings in paremiology: A comparative study of Russian, Bashkir, and Turkish. In: *Paremiology without Borders*. Moscow: RUDN University, 2020. Pp. 149–163. (In Russ.)
- Fefelova G., Fatkullina F., Sagitova A., Khairullina R. Conceptual framework and mentality as postulates of cognitive linguistics. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*. 2021. Vol. 102. Pp. 249–255. (In Eng.) DOI: 10.15405/epsbs.2021.02.02.32
- Garipova G. R. The Concept of Hospitality in Russian and English Discourses. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Ufa, 2010. 23 p. (In Russ.)
- Jung C. G. *Modern Man in Search of a Soul*. Moscow: Progress, 1994. 336 p. (In Russ.)
- Kenin-Lopsan M. B. *The Breath of Black Winds: Mythological Heritage of Tuvan Shamanism*. Moscow: Veligor, 2008. 192 p. (In Russ.)
- Khairullina R., Fatkullina F., Qiang So, Ziyu Lin. Taboo as a linguistic and cultural phenomenon. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*. 2020. Vol. 92. Pp. 1969–1975. (In Eng.) DOI: 10.15405/epsbs.2020.10.05.259
- Khalimulina R. S. The Mythological Worldview: A Gnoseological Aspect. Cand. Sc. (philosophy) thesis abstract. Moscow, 2008. 16 p. (In Russ.)
- Khisamitdinova F. G. *The Dictionary of Bashkir Mythology*. Ufa: Kitap, 2019. 432 p. (In Russ.)
- Kuular D. S. Tuvan Folklore in the Context of Central Asian Oral Poetic Traditions. Dr. Sc. (philology) thesis abstract. Ulan-Ude, 2000. 46 p. (In Russ.)
- Lamazhaa Ch. K., Suvandii N. D., Mongush A. V. The sacred in Tuvan culture: Past and modernity. *New Research of Tuva*. 2023. No. 3. Pp. 220–241. (In Russ.) DOI: 10.25178/nit.2023.3.14
- Lévi-Strauss C. *Mythologiques*. In 4 vols. Moscow: Universitetskaya Kniga, 2000. 461 p. (In Russ.)
- Levkievskaya E. *Myths of the Russian People*. Moscow: Astrel, 2000. 528 p. (In Russ.)
- Maslova V. A. *Homo Lingualis in Culture*. Moscow: Gnosis, 2007. 318 p. (In Russ.)
- Meletinsky E. M. *The Poetics of Myth*. Third edition. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2000. 407 p. (In Russ.)
- Mokienko V. M. The modern paremiology (Linguistic aspects). *The World of Russian Word*. 2010. No. 3. Pp. 6–20. (In Russ.)
- Nadrshina F. A. *The Folk Word*. Ufa: Kitap, 1983. 160 p. (In Bash.)
- Orus-ool S. M. *Tuvan Heroic Tales: Textual Studies, Poetics, Style*. Moscow: MAKS Press, 2001. 422 p. (In Russ.)
- Permyakov G. L. Revisiting the structure of collected paremias. In: Meletinsky E. M., Neklyudov S. Yu. (comps.) *Studies in the Typology of Folklore: In Memoriam of Vladimir Ya. Propp*. Moscow: Nauka — GRVL, 1975. Pp. 247–274. (In Russ.)
- Propp V. Ya. *Folklore and Reality*. Selected articles. Moscow: Nauka 1976. 327 p. (In Russ.)
- Seliverstova E. I. *The Space of Russian Proverb*. Moscow: Flinta-Nauka, 2017. 296 p. (In Russ.)
- Soyan A. M., Lomakina O. V. The image of the yurt in Tuva paremiology: Cognitive approach. *Cognitive Studies of Language*. 2024. № 1–2 (57). Pp. 103–107. (In Russ.)
- Stepanova T. M., Alentyeva M. A. About mythological constituents of folklore and literature. *The Bulletin of the Adyghe State University*. 2006. No. 1. Pp. 224–226. (In Russ.)
- Teliya V. N. *Russian Phraseology: Semantic, Pragmatic and Linguoculturological Aspects*. Moscow: Yazyki Russkoy Kultury, 1996. 288 p. (In Russ.)
- Ter-Minasova S. G. *Language and Cross-Cultural Communication*. Coursebook. Moscow: Slovo/Slovo, 2000. 624 p. (In Russ.)
- Tolstoy N. I. *Essays on Slavic Paganism*. Moscow: Indrik, 2003. 622 p. (In Russ.)
- Toporov V. N. *Myth, Ritual, Symbol, Image: Selected Studies in Mythopoeics*. Moscow: Progress-Kultura, 1995. 624 p. (In Russ.)
- Umetbaev M. I. *Bashkirs. Vatan dash*. 1998. No. 2. Pp. 159–173. (In Russ.)
- Uraksin Z. G. *Bashkir Phraseology*. Moscow: Nauka, 1975. 192 p. (In Russ.)
- Vorobyev V. V., Fatkullina F. G., Kuzhuget Sh. Yu. Linguoculturological description of the spatial code of culture (Based on the material of the Russian and Tuvan languages). *New Research of Tuva*. 2023. No. 4. Pp. 153–170. (In Russ.) DOI: 10.25178/nit.2023.4.
- Vorobyev V. V., Fatkullina F. G., Saitbattalov I. R. Linguoculturological aspect of biblical translations into Turkic languages (A case study of Bashkir and Tuvan). *New Research of Tuva*. 2023. No. 4. Pp. 61–69. DOI: 10.25178/nit.2023.4.4. Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/1271/15> (accessed: 10 December 2023). (In Russ.)
- Zelenin D. K. *Essays on Russian Mythology: Non-Natural Deaths and Mermaids*. Moscow: Indrik, 1995. 432 p. (In Russ.)

